

ковъ въ нашей литературѣ, и даже талантливѣйшіе представители Карамзинской школы—Дмитріевъ и Жуковскій—не могутъ состязаться съ нимъ въ этомъ отношеніи; единственнымъ соперникомъ Батюшкова является въ первыхъ своихъ произведеніяхъ юноша-поэтъ Пушкинъ, который такъ любилъ поэзію Батюшкова и такъ охотно признавалъ

Батюшковъ.

себя его ученикомъ. Мы уже видѣли выше, какъ Жуковскій своею усиленною переводною и подражательною поэтическою дѣятельностью способствовалъ мало-по-малу занесенію къ намъ романтическихъ идеаловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно обрабатывалъ нашъ поэтический языкъ, примѣняя его къ выраженію тончайшихъ отвлеченностей своей туманной музы; Батюшковъ, обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, умѣя можетъ быть даже лучше Жуковского справляться съ русскимъ стихомъ, долженъ былъ однакоже, сообразно своему поэтическому настроенію, и при самой выработкѣ поэтическаго выраженія, стремиться къ задачамъ, которыя были совершенно противоположны задачамъ поэзіи Жуковского. И дѣйствительно, ему, первому изъ русскихъ поэтовъ, удалось достигнуть того соединенія красоты и силы въ поэтической формѣ, ко-

торое и должно было послужить образцемъ для совершеннѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ — Пушкина.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ (род. 1787 г., ум. въ 1855 г.) происходилъ изъ стариннаго рода Новгородскихъ дворянъ, которые уже съ 1683 года являются владѣльцами живониснаго села *Даниловскаго* (Устюжскаго уѣзда, Новгород. губ.), пожалованнаго царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами Матвѣю Батюшкову, одному изъ предковъ поэта, за службу его «*противъ Турокъ и Татаръ крымскихъ*». Отецъ поэта, Николай Львовичъ, принадлежалъ къ числу людей образованныхъ на тотъ французскій ладъ, который былъ въ такой модѣ въ Екатерининское время: сочиненія Руссо и энциклопедистовъ были до конца жизни его любимымъ чтеніемъ. Черезъ двоюроднаго брата своего, извѣстнаго уже намъ М. Н. Муравьева, Николай Львовичъ былъ не чуждъ даже и литературныхъ кружковъ. Но эти, повидимому благопріятныя условія домашней обстановки, въ сущности не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на развитіе Константина Николаевича, который по какимъ-то страннымъ, еще неразъясненнымъ отношеніямъ, былъ постоянно очень далеко отъ отца, и уже съ ранняго дѣтства попалъ въ чужія руки. Какъ младшій членъ семейства, матери онъ почти не зналъ, потому что она, вслѣдствіе несчастнаго разстройства умственныхъ способностей, рано была удалена отъ дѣтей. Должно предполагать, что дѣтство Батюшкова было довольно печально, и конечно, особеннымъ счастьемъ для него было то, что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ отданъ на попеченіе двоюродному дядѣ своему М. Н. Муравьеву и супругѣ его, Екатерینѣ Феодоровнѣ, къ которымъ во всю жизнь свою относился какъ самый нѣжный и любящій сынъ. Вѣроятно, благодаря заботамъ и надзору М. Н. Муравьева, Батюшковъ попалъ въ одно изъ лучшихъ частныхъ учебныхъ заведеній того времени, въ петербургскій пансіонъ Жакино¹⁾ гдѣ особенное вниманіе обращалось на изученіе новѣйшихъ языковъ и самыя воспитательныя условія были весьма разумны. Первоначальное образованіе Батюшкова закончилось подъ руководствомъ другаго иностранца — И. А. Триполи, служив-

¹⁾ Платонъ Антоновичъ Жакино, родомъ изъ Эльзаса, служилъ преподавателемъ франц. языка при Сухоп. Шлях. Кадетск. корпусѣ.

шаго при морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Результатомъ шестилѣтнихъ занятій Батюшкова, сначала въ пансіонѣ Жакино, а потомъ подъ руководствомъ Триполи, было отчетливое знаніе французскаго, итальянскаго, и даже нѣмецкаго языка, и раннее пробужденіе охоты къ занятіямъ словесностью. Изъ сохранившихся ученическихъ писемъ Батюшкова къ отцу видимъ, что уже въ 1801 году, т. е. лѣтъ 14-ти отъ роду, Батюшковъ перевелъ на французскій языкъ рѣчь, произнесенную митрополитомъ Платономъ, при коронаваніи Императора Александра I¹⁾; сверхъ того, узнаемъ, что воспитатели Батюшкова не стѣсняли его въ чтеніи, и что сочиненія Ломоносова и Сумарокова, наравнѣ съ баснями Геллерта и съ произведеніями французскихъ мыслителей, служили развлеченіемъ его пансіонскихъ досуговъ. Но конечно, болѣе всего благотворное, образующее вліяніе на развитіе ума и таланта Батюшкова долженъ былъ оказывать самъ М. Н. Муравьевъ, какъ моралистъ и образованный писатель, а также и кружокъ литераторовъ и художниковъ, который постоянно собирался въ его домѣ; здѣсь встрѣчался Батюшковъ съ И. И. Мартыновымъ, нашимъ талантливымъ и неутомимымъ переводчикомъ классиковъ; здѣсь же познакомился онъ и съ А. Н. Оленинымъ, а черезъ него и съ болѣею частью современныхъ петербургскихъ литераторовъ — Озеровымъ, Капнистомъ, Крыловымъ, Шаховскимъ, и друг.

Въ 1806 году Батюшковъ, окончивъ ученье, былъ зачисленъ на службу въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія, а вскорѣ послѣ того опредѣленъ писмоводителемъ къ своему же дядѣ, М. Н. Муравьеву, какъ товарищу-министра. Само собою разумѣется, что эта служба была только чисто-номинальною, и 19-ти-лѣтній Батюшковъ по замѣчанію его биографа, «все время свое исключительно посвящалъ занятіямъ литературнымъ». Уже въ 1805 г., въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», — журналѣ Мартынова — и въ «Новостяхъ Литературы», которыя издавалъ Побѣдоносцевъ, встрѣчаются мелкія стихотворенія Батюшкова. Но въ 1806 году, объявлена была война Франціи, и русская

молодежь, увлекаемая особеннымъ патриотическимъ жаромъ и озлобленіемъ противъ французовъ, массою бросилась въ ряды войска... Въ ноябрѣ 1806 года изданъ былъ извѣстный манифестъ о милиціи, которой у насъ еще никогда прежде не бывало, и въ которомъ въ слышали энергической призывъ къ поголовному вооруженію на общаго врага. Батюшковъ записался въ стрѣлковый батальонъ С.-Петербургскаго ополченія и въ началѣ 1807 года уже находился на театрѣ военныхъ дѣйствій. Юношупоэта ожидало тамъ, въ его стремленіяхъ къ военной славѣ, жестокое разочарованіе: въ битвѣ подъ Гейльсбергомъ²⁾, — гдѣ «главнѣйшая причина Русской неудачи заключалась въ безпорядкѣ отдѣльныхъ распоряженій по снабженію войскъ»,³⁾ пуля пробила ногу Батюшкову, и эта рана едва не стоила ему жизни, потому что и онъ также находился въ числѣ того множества русскихъ раненыхъ, которыми «былъ покрытъ берегъ Нѣмана», и которые «валялись безъ призора, на сыромъ пескѣ и подъ дождемъ». ⁴⁾ Даже и тогда, когда помощь уже была подана ему, положеніе поэта было ужасно; онъ лежалъ на соломѣ, въ тѣсной лачугѣ, безъ хлѣба, безъ денегъ, въ жестокихъ мученіяхъ — такъ сообщаетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ... Нескоро оправившись отъ раны, Батюшковъ однакоже не охладѣлъ къ военной славѣ, и еще разъ рѣшился попытать счастья: въ 1808—1809 г. мы видимъ его опять на войнѣ, въ Финляндіи, гдѣ онъ между прочимъ участвовалъ въ опасномъ походѣ на Аландскіе острова, по льдамъ Ботническаго залива. Любопытною чертою для характеристики нашего тогдашняго военнаго типа можетъ служить то, что въ глубинѣ Финляндскихъ дебрей, среди тревожной бивачной жизни, Батюшковъ занимался изученіемъ *Тасса* и *Петрарки*, сочиненія которыхъ, по его настоятельной просьбѣ, были ему посланы Оленинымъ.

Тотчасъ по окончаніи войны, Батюшковъ покинулъ военную службу и поселился въ Москвѣ, куда въ то время пріѣхала и овдовѣвшая Е. Θ. Муравьева. Здѣсь сошелся

¹⁾ Рѣчь эта, по желанію Жакино, была напечатана, и составляетъ теперь біографическую рѣдкость. ²⁾ Въ сѣверо-восточной Пруссіи. Битва эта происходила 29 мая 1807. ³⁾ См. Русск. Арх., 1867, стр. 1356. ⁴⁾ Тамъ же.

онъ съ важнѣйшими представителями Московскаго литературнаго кружка — съ Карамзинимъ и Дмитриевимъ, и съ окружавшею ихъ молодежью: Жуковскимъ, Д. В. Дашковымъ, П. А. Вяземскимъ — будущими знаменитостями. Батюшковъ, всѣми ласкаемый и превозносимый за свое поэтическое дарованіе, дѣлается однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ *Вѣстника Европы*, въ которомъ (въ теченіе 1809—1810) напечаталъ сначала свою пьесу: *Воспоминанія*, а потомъ цѣлый рядъ прекрасныхъ (хотя и вольныхъ) переводовъ изъ Парни, Тибулла и Петрарки, сразу доставившихъ Батюшкову рядомъ съ Жуковскимъ, весьма видное мѣсто въ средѣ молодыхъ литераторовъ. Приверженцы Карамзина приняли его съ распростертыми объятіями и вскорѣ завлекли въ ту нескончаемую полемику, которая позднѣе такъ рѣзко раздѣлила всѣхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей на два противоположные лагеря. Памятникомъ сочувствія Батюшкова молодой литературной партіи осталось намъ его шутовское стихотвореніе: *Виднѣе на берегахъ Леты*.¹⁾ въ которомъ бойко очерчены и осмѣяны всѣ представители старой литературной школы и сторонники мнѣній Шишкова.

Съ 1810 г. Батюшковъ снова является въ Петербургѣ и даже опредѣляется на службу въ императорскую публичную бібліотеку, гдѣ А. Н. Оленинъ уже успѣлъ пріютить двухъ пріятелей своихъ литераторовъ: Крылова и Гидича. Часто посѣщая кружокъ Оленина, печатая стихи свои въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ (въ *Цвѣтникахъ*, который изд. Никольскій и Измайловъ), Батюшковъ вѣроятно не зналъ тягостей службы и служебныхъ отношеній. Жизнь давалась ему очень легко, и чаще обращалась къ нему лицевою стороною, нежели той изнанкой, которую онъ такъ хорошо узналъ въ послѣдствіи, и съ которою никакъ не могъ примириться. Увлекался своимъ талантомъ, возлагая большія надежды на будущее, Батюшковъ и не могъ въ это время выработать себѣ никакого правильнаго взгляда на жизнь и на свои способности, не могъ и уяснить себѣ своего назначенія. Кружокъ друзей его, около этого времени расширился: онъ успѣлъ сблизиться во время этого пребыванія въ Петербургѣ съ Д. Н.

Блудовымъ, съ А. И. Тургеневымъ и С. С. Уваровымъ — будущими своими товарищами по *Арзамасу*. Но не одна дружба — и любовь въ это время улыбалась молодому Батюшкову: онъ полюбилъ, и горячо полюбилъ молодую дѣвушку, которой посвятилъ такъ много прекрасныхъ, чистыхъ и пламенныхъ строкъ... Крѣпко боролся онъ съ этой страстью, стараясь пересилить себя; но страсть не поддавалась его волѣ, какъ видно изъ его предстаетаго стихотворенія: *Разлука*, въ которомъ онъ говоритъ, что

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства;
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ сѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженные чувства!
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степеней,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.
Напрасно:— всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ — неба на землѣ блаженства отверзаегъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвить и оживляетъ.

Но это юношеское, эгоистически счастливое состояніе чловѣка, который способенъ заботиться только о себѣ, забывая совершенно объ окружающемъ мірѣ — это душевное состояніе продолжалось для Батюшкова очень недолго. Наступилъ 1812 годъ — и Батюшковъ не устоялъ противъ общей волны... Однакоже поступить на службу онъ могъ только уже въ 1813 г., нѣсколько успокоенный относительно семейства своей благодѣтельницы, Е. О. Муравьевой, которую онъ не покидалъ въ теченіе всего пашествія, заботясь о ней, какъ нѣжный сынъ. И когда вся Европа, вслѣдъ за Россіей, поднялась на Наполеона, когда начался увлекательный и романтическій крестовый походъ напѣ за свободу Европы, — «поэтъ снова отдался боевой жизни», и находясь при героѣ Раевскомъ, совершилъ всю кампанію 1813 и 1814 года. Особенно памятною для Батюшкова осталась Лейпцигская битва — «битва народовъ», какъ прозвали ее нѣмцы: — подѣ

¹⁾ *Лета* — рѣка забвенія.

Лейпцигомъ быть убить лучшей другъ его, полковникъ *Петинъ*, котораго онъ такъ часто вспоминаетъ въ своихъ стихахъ¹⁾... И во время этой шумной, безпокойной военной жизни, которую такъ любилъ Батюшковъ, мы опять застаемъ его за книгами, за работой надъ пополненіемъ своего образованія. «Знаешь-ли новую страсть мою,—нѣмецкій языкъ!»—пишетъ Батюшковъ изъ Веймара сестрѣ своей въ вологодскую губернію — «я нынѣ живучи въ Германіи, выучился говорить по нѣмецки, и читаю все нѣмецкія книги. Не удивляйся тому: Веймаръ есть отчина Гёте, сочинителя *Вертера*, славнаго Шиллера и Виланда». Вмѣстѣ съ русской арміей Батюшковъ вступилъ въ Парижъ, и жилъ тамъ довольно долго. Дошедшія до насъ письма его, писанныя изъ Парижа, указываютъ на то, что и Батюшковъ наравнѣ со множествомъ современниковъ своихъ, рѣшительно потерялъ голову въ чаду упоенія той славой, которая такъ изобильно увѣнчала лаврами наше оружіе, и тою рыцарскою, безкорыстною борьбою за свободу Европы, которую мы такъ твердо вынесли. Видно, что Батюшковъ и въ это время все еще продолжалъ жить однимъ только настоящимъ, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ, да къ тому же и очень легко приходилъ въ восторгъ:

«Я часто съ удовольствіемъ смотрю»—пишетъ онъ изъ Парижа Дашкову—«какъ наши казаки безбечно проѣзжаютъ черезъ Аустерлицкій мостъ, любясь его удивительнымъ строеніемъ; съ удовольствіемъ неизъяснимымъ вижу русскихъ гренадеръ передъ Траянновой колоной или у рѣшетки Тюльери, передъ *Arc de Triomphe*, гдѣ изображены и Ульмъ, и Аустерлицъ, и Фридрихъ, и Гена... Французы дорого заплатили за свою славу, любезный другъ!»

Такимъ же увлеченіемъ и заносчивымъ, поверхностнымъ взглядомъ на Францію, на французскую литературу и просвѣщеніе отзывается вообще все то, что Батюшковъ пишетъ изъ Парижа о пребываніи въ немъ. причемъ называетъ себя «маленькимъ Тибулломъ, или проще, капитаномъ русской императорской службы, что въ нынѣшнее время важнѣе, нежели бывший кавалеръ или всадникъ римскій (ибо, по словамъ Содома, «живой воробей лучше мертваго льва»)»

Особенно странно и неприятно поражаютъ насъ сужденія «маленькаго Тибулла» о современномъ состояніи французской литературы:

«Нынѣшній годъ была предложена къ увѣнчанію (въ академіи) «Смерть Баярда»; но, по слабости поэзии, не получила обыкновенной награды. Теперь отгадайте, какой предметъ назначенъ для будущаго года? — «Польза прививанія коровьей оспы»!! Это хоть бы нашей академіи выдумать! По этому, любезный другъ, можете судить о состояніи французской словесности. Ее не любилъ Наполеонъ... что немало послужило къ упадку академіи французской. *Правленіе* должно лелѣть и баловать музъ; иначе онѣ будутъ безплодны. Слѣдуя обыкновенному теченію вещей, я думаю, что вѣкъ славы для французской словесности прошелъ и врядъ-ли можетъ когда воротиться. Впрочемъ мирное отечественное правленіе будетъ во сто разъ благосклоннѣе для музъ судорожнаго тиранскаго правленія коренканца»...

Изъ Парижа Батюшковъ отправился въ Англію и оттуда, моремъ, въ Стокгольмъ, гдѣ тогда совѣтникомъ посольства находился близкій пріятель Батюшкова, Д. Н. Влудовъ, такъ же собиравшійся ѣхать въ Россію. Здѣсь написана была элегія «*На развалинахъ замка въ Швеціи*» и прекрасный отрывокъ *Воспоминанія* («*Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ...*»). Оба эти стихотворенія остаются настолько же памятникомъ пребыванія Батюшкова въ Швеціи, на сколько два другія его стихотворенія—«*Плмшій*» и «*Переходъ черезъ Рейнъ*»—памятникомъ участія въ кампаніи 1813—1814 гг. Наконецъ, въ первыхъ числахъ іюня 1814 г., Батюшковъ возвратился въ Петербургъ, пробывъ почти два года за границей,—и странное чувство овладѣло имъ:

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Ияки
Богообязанный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводной Сциаллы стонъ

Не потрясли души высокой.

Казалось, побѣдилъ терпѣнемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ:
Казалось, небеса карать его устали.

И тихо соннаго домчали

¹⁾ Воспоминанію о Петинѣ посвящена прекрасная элегія Батюшкова: «Тѣнь друга».

До милыхъ родины давно желанныхъ сказъ,
*Проснулся онъ: и чтожь? Отчизны не по-
 зналъ* ¹⁾.

Тяжело было Батюшкову увидѣть себя среди пезавидной русской дѣйствительности, въ заколдованномъ кругу аналіи и застоя, среди котораго мощно властвовала Аракчеевъ... Послѣ тѣхъ событій, въ которыхъ пришлось принимать участіе, послѣ того, какъ почти два года жизни пришлось провести въ самомъ центрѣ европейской цивилизаціи, и при томъ же — играть видную роль въ шумной и ослѣпительно-блестящей исторической драмѣ 1813 и 1814 г... Послѣ всего этого трудно было примириться съ непривлекательною обстановкой современной русской жизни. И Батюшковъ, тотчасъ же по приѣздѣ въ Петербургъ, уже почувствовалъ на себѣ, что «и мы дорого заплатили за свою славу», утративъ прежнее, наивное отношеніе къ своей дѣйствительности и возвратившись на родимый Востокъ съ идеями и воззрѣніями Запада. Тягостное душевное состояніе Батюшкова превосходно выражается въ томъ письмѣ, которое онъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ за границы, писалъ къ Жуковскому, въ Бѣлевѣ, (въ ноябрѣ 1814 г.).

...«Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, когда, у Дѣвичьяго монастыря, ты жилъ съ Музами въ сладкой бесѣдѣ! Не знаю, былъ ли ты тогда (въ 1809 г.) счастливъ, но я думаю что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботы, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя, и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени. Я самъ кружился въ вихрѣ военномъ, и, какъ слабое насѣкомое, какъ бабочка, утратилъ свои крылья»... Затѣмъ, описавъ свои странствованія, поэтъ прибавляетъ: ...«Вотъ моя Одиссея! По истинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Кждаго гонитъ какой-нибудь мститель-богъ..., а меня — скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось мнѣ мучителемъ. Я вижу его бесполезность для общества и для себя. Что въ немъ, мой

милый другъ? И чѣмъ замѣню утраченное время? Дай мнѣ совѣты, научи меня, наставь меня: у тебя доброе сердце, умъ просвѣщенный. Будь же моимъ вожагаемъ! Скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ? Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ, и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я не способенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонѣ: я не Плутархъ къ несчастью, и не имѣю довольно философіи, чтобы заняться бездѣлками»...

И дѣйствительно, Батюшковъ принимается хлопотать объ отставкѣ, которую, однакоже, ему удается наконецъ получить не раньше, какъ въ 1816 г. Въ теченіе этого времени, живя въ Каменецъ-Подольскѣ, среди хлопотъ и неприятностей, Батюшковъ уже на столько успѣлъ проникнуться недовольствомъ и какою-то особенною мнительностью по отношенію къ своимъ способностямъ и силамъ, что рѣшился отказаться даже отъ того счастья любви, которое такъ долго носилъ онъ въ сердцѣ...

...«Вы меня критикуете жестоко» — такъ пишетъ онъ къ Е. О. Муравьевой (изъ Каменца, въ авг. 1815 г.) и вездѣ видите противурѣчія. Виновать-ли я, если мой разумъ воюетъ съ моимъ сердцемъ? Но дѣло разсудитъ: я правъ совершенно. Ни отсутствіе, ни время меня не измѣнили. Если Всевышній не отниметъ отъ меня руки своей, то я все буду мыслить по старому: *не пожертвую никѣмъ для собственныхъ выгодъ*... Шестью тысячами жить невозможно въ столицѣ; если бы и возможно было, то я не могу и долженъ огорчить батюшку и павлечь на себя его гнѣвъ.... Но и это въ сторону: важнѣйшее препятствіе въ томъ, что я не долженъ жертвовать тѣмъ, что мнѣ всего дороже. Я не стѣю *ея*, не могу сдѣлать *ее* счастливою съ моимъ характеромъ и съ маленькимъ состояніемъ. Это такая истина, которую ни вы, ничто на свѣтѣ не побѣдитъ, конечно... Не любить я не въ силахъ... Кто любитъ, тотъ гордъ. Что касается до службы, до выгодъ *ея*, то Богъ съ нимъ, съ ней! Для чего буду я теперь искать чиновъ, которыхъ я не уважаю, и денегъ, которыя меня не сдѣлаютъ счастливымъ? А искать чины и деньги для жены, которую любилъ? Начать жить подъ одною

¹⁾ См. въ Смирд. изд. стихотвореній Батюшкова, II, стр. 66: «Судьба Одиссея».

кровлею въ пищеть, безъ надежды — нѣтъ, не соглашусь на это, и согласился бы, если бы я только на себѣ основалъ свои наслажденія. Жертвовать собою позволено, жертвовать другими — могутъ одни злыя сердца. Оставимъ это на произволь судьбы. Жизнь не вѣчность, къ счастью нашему, и терпѣнію есть конецъ».

Выйдя въ отставку, Батюшковъ былъ снова зачисленъ почетнымъ бібліотекаремъ въ Публичную Библіотеку и ревностно занялся литературой. Въ теченіе этого 1816 года много его стиховъ и прозаическихъ статей помѣщено было и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Сынѣ Отечества». Въ концѣ того же года принялся онъ и за изданіе полнаго собранія своихъ сочиненій, которое окончено было уже только осенью 1817 г., также проведеннаго имъ въ Петербургѣ, среди родни своей и друзей — Арзамасцевъ, въ числѣ которыхъ Батюшковъ встрѣтилъ своего и тогда уже страшнаго соперника, 18-ти лѣтняго юношу — Пушкина. Вскорѣ, однакоже, смерть отца отвлекла его отъ беззаботной столичной жизни и отъ литературной дѣятельности: — ему пришлось ѣхать въ деревню, хлопотать объ устройствѣ дѣлъ своихъ, и этими хлопотами онъ окончательно успѣлъ разстроить свое и безъ того уже слабое здоровье. Болѣе и болѣе поддаваясь недовольству собою и всѣмъ, что его окружало, онъ впадаетъ въ тревожное состояніе духа, въ которомъ, по его же собственному выраженію:

Онъ осужденъ искать... чего, не знаетъ самъ ¹⁾.

Заботы о поправленіи здоровья вынуждаютъ его къ новымъ хлопотамъ: черезъ А. И. Тургенева онъ ищетъ возможности получить мѣсто при нашемъ посольствѣ въ Неаполь... Почти весь 1818 годъ проходитъ въ разъѣздахъ, то въ Петербургъ и Москву, то въ Вологодское имѣніе, то на Югъ въ Одессу, и опять на Сѣверь... Наконецъ, въ ноябрѣ 1818 года, Батюшковъ получаетъ то мѣсто, котораго такъ долго добивался, и отправляется въ Италію, въ самомъ мрачномъ настроеніи:

«Я знаю Италію, не побывавъ въ ней» — пишетъ онъ А. И. Тургеневу, незадолго до отъѣзда. «Тамъ не найду я счастья: его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о сибѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоценныхъ... Но первое условіе *жить*, а здѣсь холодно, и я умираю ежедневно. Вотъ почему желалъ Италіи и желаю. Умереть на батарее прекрасно; но, въ 30 лѣтъ, умереть въ постель — ужасно»... Поэтъ, конечно, не предвидѣлъ еще тогда, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ нѣчто гораздо болѣе ужасное. 1820 годъ былъ послѣднимъ въ его авторской дѣятельности. Возвратившись въ Россію въ 1822 году, онъ уже былъ подверженъ умственному разстройству ²⁾ и скорѣ окончательного помѣшался... Отвезенный родными въ Вологду, несчастный Батюшковъ прожилъ здѣсь слишкомъ тридцать лѣтъ въ совершенно безсознательномъ состояніи...

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЖУКОВСКАГО.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГИЯ (ИЗЪ ГРЕЯ).

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумяція стада топаются надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шапашъ спокойный свой.
Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ.
Лишь изрѣдка, жужжа вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.
Лишь дикая сова, таеясь подъ древнимъ сводомъ

Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмущившаго полночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и вазовъ
наклоненныхъ,

Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,

¹⁾ «Странствователь и домохозяинъ» — См. соч. Батюшкова (Смирд. изд.) II, 216. ²⁾ Помѣшательство это, помимо всѣхъ особуныхъ поводовъ и причинъ было наследственнымъ родовою болѣзнью для К. Н. Батюшкова: его мать и любимая сестра также умерли въ помѣшательствѣ.